

собрал военный совет, на котором командующий русской артиллерией Я. Брюс предложил перейти через Ворсклу, выше Полтавы, и устроить там лагерь, расположив там не только пехоту, но и конницу. Такая диспозиция, по мнению Я. Брюса, позволила бы быстро реагировать на все возможные действия шведов. Петр не только одобрил план перехода части русских войск на другой берег Ворсклы, но расширил его. По его видению, через Ворсклу должна перейти вся армия, что означало неминуемое генеральное сражение.

В те же дни была налажена связь с осажденным городом через "воздушную почту". Артиллерийские спецы, точно рассчитав траекторию полета полых бомб, перебрасывали через головы шведов письма, лекарства и порох. В середине июня А. Келин таким же образом известил Петра, что в городе кончаются запасы продовольствия. Кроме того, глубокие подкопы, прорытые под крепостными валами, угрожали новым штурмом. Царь еще более укрепился во мнении, что генеральное сражение неотвратимо. В письме главе Адмиралтейского приказа Ф.М. Апраксину от 7 июня царь пишет: *"Сошлись близко с соседями, с помощью божиею, будем конечно в сем месяце главное дело со оными иметь"*. Шведская армия сама оказалась в положении осажденной. Граф Головкин писал русскому послу в Дании В.Л. Долгорукову: *"И можно сказать, что неприятель есть паче от нас в осаде, нежели помянутая крепость от него"*. Русский генерал Алларт в своих записках писал: *"... шведы со всех сторон обойдены были и повидимому кроме помощи божией оной армии никакова спасения ни убежать, ни же противустоять российской иметь было невозможно..."*.

Русское командование получало сведения о положении в шведском лагере от перебежчиков, в основном, мазепинских казаков. Они сообщали, что шведы не только хотят наступать на русскую армию, но и сами очень опасаются русской переправы на полтавский берег. По их сведениям в лагере *"есть нечево и купить негде"*. В окруженном со всех сторон шведском лагере ощущался недостаток провианта, – некачественный хлеб и конина